

Лилианна Роуз

ЧЁРНАЯ РЯБИНА

ДОМ, КОТОРЫЙ
УКРАЛ МОЁ ПРОШЛОЕ

Лилианна Роуз

**Чёрная рябина. Дом,
который украл моё прошлое**

«Автор»

2026

Роуз Л.

Чёрная рябина. Дом, который украл моё прошлое / Л. Роуз —
«Автор», 2026

Ася Морозова приезжает в Чёрноречье, чтобы продать дом умершей бабушки. Но замок открывается прежде, чем она вставляет ключ, по полу тянутся следы босого ребёнка, а на старой фотографии Ася видит себя рядом с юношей, которого совершенно не помнит. Четырнадцать лет назад Лев Воронов исчез во время пожара в северной комнате. Тела не нашли. Теперь он снова появляется в доме и утверждает, что Ася сама просила его ждать. Чтобы вернуть украденные годы, ей придётся разгадать тайну чёрной рябины, под корнями которой хранятся чужие имена и воспоминания. Но дом ничего не отдаёт бесплатно: за каждую возвращённую часть прошлого он требует другую часть жизни. Можно ли снова полюбить человека, которого когда-то забыла? И останется ли Ася собой, если вспомнит всё?

© Роуз Л., 2026

© Автор, 2026

Лилианна Роуз

Чёрная рябина. Дом, который украл моё прошлое

Глава 1. Девочка в окне

Замок щёлкнул прежде, чем Ася вставила ключ.

Она ещё держала связку перед ржавой скважиной, выбирая нужный ключ среди пяти одинаково потемневших, когда дверь отступила внутрь на ширину ладони. Из дома потянуло сухим деревом, печной золой и холодом, который успел поселиться в комнатах основательнее любого хозяина.

Ася не вошла.

Крыльцо под её ногами просело, доска жалобно хрустнула, и с навеса посыпалась крупа старого снега. За спиной скрипнула калитка. Водитель, привёзший её от станции, заносил во двор последний чемодан и явно рассчитывал сразу уехать, однако теперь остановился у дорожки.

— Там кто-нибудь есть? — спросил он.

— Дом опечатали после смерти бабушки.

Ася придержала дверь носком ботинка и осмотрела косяк. Краска вокруг замка облупилась, но свежих царапин не было. Узкая бумажная лента с печатью нотариальной конторы осталась цела: один конец держался на двери, второй — на раме. Выходило, что дверь открылась, не порвав полоску, хотя это было невозможно даже при сильном перекосе петель.

Она потянула створку на себя. Бумага натянулась и разошлась посередине с сухим треском.

— Наверное, замок не заперли, — сказала Ася.

Водитель перевёл взгляд с ключей в её руке на тёмную прихожую.

— В Чёрноречье двери сами не открываются.

— В Чёрноречье, судя по дороге, вообще многое происходит само. Машину, например, последние пять километров несло без участия водителя.

Шутка прозвучала хуже, чем ей хотелось. Мужчина не обиделся, но улыбаться не стал. Он поставил чемодан под навес, вытер ладонь о куртку и отступил к калитке.

— До посёлка пешком минут двадцать. Связь у поворота ловит, возле дома не всегда. Если что, Тамару Петровну зовите.

— Она кто?

— Седова. Музеем заведует. За домом присматривала.

— Плохо присматривала, если дверь не заперта.

Водитель снова посмотрел на проём, за которым виднелся кусок узкого коридора. На полу лежала полоска света, дальше начиналась темнота.

— Может, и хорошо присматривала, — сказал он после паузы. — Просто дом её не всегда слушался.

Ася решила, что это местный способ попрощаться с человеком, приехавшим из города и ещё не успевшим понять здешних правил. Она поблагодарила за дорогу, достала кошелёк, но водитель отказался от доплаты за чемодан. Закрыв калитку, он ушёл к машине быстрее, чем позволяла скользкая тропа.

Двигатель завёлся с третьей попытки. Машина развернулась у заснеженной обочины и скрылась за елями, оставив после себя две тёмные колеи. Через минуту лес поглотил и звук.

Ася осталась одна перед домом, который открыл ей дверь.

Дом стоял на краю Чёрноречья, дальше начинался склон к реке и полоса хвойного леса. Двухэтажный, сложенный из потемневших брёвен, он не выглядел заброшенным. Снег на крыше лежал ровно, ставни были раскрыты, водосточный жёлоб недавно закрепили новой скобой. Кто-то расчистил дорожку от калитки до крыльца и сложил поленья под боковым навесом. Только окна оставались тёмными, а на стекле второго этажа тянулась длинная трещина.

Ася подняла телефон, сделала несколько снимков фасада и отдельно сфотографировала повреждённое окно. Её работа начиналась именно так: общий вид, детали, следы позднего вмешательства. За десять лет реставрации она привыкла смотреть на старые дома без жалости. Сочувствие редко помогало определить стоимость ремонта, зато мешало вовремя отказаться от безнадёжного объекта.

Этот дом безнадёжным не казался.

Фундамент не ушёл в землю, углы оставались прямыми, нижние венцы снаружи выглядели крепкими. Кровлю меняли лет пятнадцать назад, вероятно, по инициативе бабушки. При грамотной оценке дом можно было продать состоятельному горожанину под дачу или небольшой гостевой проект.

На это Ася и рассчитывала.

Три дня на осмотр, встречу с местным оценщиком и разбор документов. Потом она вернётся в мастерскую, где её ждали два заказа и недовольный партнёр. Продажей займётся агент. Вещи бабушки отправят на хранение или передадут в музей, если среди них найдётся что-то ценное.

Никаких воспоминаний здесь её не держало.

За всю жизнь Ася видела Чёрноречье один раз, в девять лет. От поездки сохранились отдельные картинки: река под низким небом, запах мокрой шерсти в автобусе, бабушкины руки в муке. Они никогда не были близки. После смерти матери отец прекратил общение с её роднёй, а сама Ася не пыталась восстановить связь. Иногда приходили открытки без обратного адреса, подписанные крупным угловатым почерком. Последнюю она получила лет шесть назад.

«Дом стоит. Рябина тоже. Значит, и мы пока держимся».

Тогда Ася решила, что речь шла о старости и одиночестве. Теперь фраза казалась более странной.

Она убрала телефон, взяла меньший чемодан и вошла.

Прихожая занимала всю ширину дома. Слева стояла скамья с высоким резным подлокотником, справа — вешалка, на которой висел бабушкин серый платок. Прямо начинался коридор, ведущий к кухне, а широкая лестница поднималась на второй этаж вдоль стены. Под ступенями виднелась низкая кладовая дверь.

Холод в доме оказался слабее уличного. Кто-то топил печь совсем недавно: чугунная дверца сохраняла тепло, а в зольнике белел свежий налёт. Ася присела, поднесла ладонь к металлу и нахмурилась. Водитель мог предупредить, что Седова приходит сюда. Вместо этого он предпочёл рассказать о непослушном доме.

На полу остались следы.

От входа к лестнице тянулись небольшие мокрые отпечатки босых ног. Они начинались посреди прихожей, там, где не было ни двери, ни окна, и заканчивались у первой ступени.

Размер соответствовал ребёнку лет восьми.

Ася поставила чемодан у стены и достала телефон. Следы хорошо различались на выцветшем половике: пятка, узкая середина, пять пальцев. У правой стопы мизинец отходил в сторону. Вода ещё не высохла.

Она сфотографировала каждый отпечаток и подняла голову к лестнице.

— Есть кто-нибудь?

Голос прошёл по коридору, вернулся слабым отзвуком и растаял под потолком.

Ася сняла с вешалки тяжёлую деревянную трость. Оружием её назвать было трудно, но в старом доме, где мог прятаться чужой человек, выбирать не приходилось.

Первая ступень прогнулась под весом. Вторая выдержала. Следы продолжались до площадки между этажами, затем сворачивали к стене и обрывались у старого зеркала в овальной раме.

На стекле сохранился влажный отпечаток детской ладони.

Ася подошла ближе, стараясь не наступить на следы. Отражение показало её утомлённое лицо, выбившуюся из-под шапки тёмную прядь и трость, которую она держала перед собой обеими руками. За спиной пустовала лестница.

Она провела пальцем возле отпечатка. Вода размазалась по стеклу.

— Прекрасное начало, — произнесла Ася, чтобы услышать обычный человеческий голос. — Незакрытая дверь и ребёнок, который гуляет босиком по чужому дому.

На площадке имелось два прохода. Один вёл в коридор второго этажа, второй — к узкой двери на чердак. Ася проверила чердачную щеколду. Ржавый крючок сидел плотно, на нём лежал слой пыли.

В коридоре второго этажа располагались четыре двери. Три оказались открыты: спальня с железной кроватью, кабинет, заставленный книжными шкафами, и небольшая комната с видом на реку. Четвёртая находилась в самом конце.

У неё не было ручки.

На месте, где полагалось находиться замочной скважине, темнело круглое углубление, заделанное деревянной пробкой. Доски полотна отличались от остальных дверей: широкие, старые, покрытые несколькими слоями краски. Последний слой, серо-зелёный, вздулся вокруг филёнок и растрескался.

Мокрые детские следы в коридоре не появились.

Ася опустила трость.

Кто бы ни оставил отпечатки, по второму этажу он не проходил. Влага исчезла у зеркала, словно ребёнок шагнул в него или взобрался по стене. Оба объяснения уступали по вероятности простому: следы сделал кто-то из местных, желая напугать новую хозяйку.

Зачем — вопрос другой.

Из-за двери без ручки донёсся слабый скрежет.

Ася подошла на шаг ближе.

Звук повторился. Что-то провели по внутренней стороне полотна от уровня её плеча вниз. Краска едва заметно дрогнула возле края.

Она подняла трость, затем вспомнила о телефоне и включила запись.

— Я вызываю полицию, — сказала Ася. — Если вы забрались сюда ради шутки, советую открыть дверь сейчас.

Скрежет прекратился.

В доме стукнуло окно. Где-то внизу покати́лся по полу небольшой предмет и остановился возле стены.

Ася ждала ещё полминуты, после чего приложила ухо к двери. За ней не слышалось дыхания, шагов или шороха одежды. Только дерево потрескивало от перепада температуры.

Она осмотрела петли. Дверь открывалась наружу, но петли были скрыты под слоями краски. Снять полотно без инструментов не получится. В нижней части имелся зазор в несколько миллиметров. Ася включила фонарь на телефоне и опустила на колени, пытаясь увидеть хотя бы полосу пола.

Из щели пахнуло влажной землёй.

Она отшатнулась и поднялась. Запах оказался настолько явным, что не мог исходить от старых досок. Так пахнут глубокие подвалы весной, когда грунтовая вода поднимается к фундаменту, а стены покрываются мокрым налётом.

За дверью на втором этаже не должно было быть земли.

Ася вернулась к лестнице. Снимать полотно в одиночку она не собиралась. Сначала следовало найти Седову, уточнить, кто отопливает дом, и получить нормальный план здания. Если местные устроили проверку наследнице, разговор обещал быть коротким.

Она спустилась в прихожую и обнаружила возле чемодана деревянный волчок.

Небольшая игрушка лежала на боку, упираясь остриём в половицу. Дерево потемнело от времени, по широкому краю шла выцветшая красная полоса. Ася видела такой волчок раньше.

Не здесь. В собственной квартире.

Когда ей было семь или восемь лет, отец выбросил коробку старых игрушек во время переезда. Ася тогда долго искала именно этот волчок: с неровной бороздкой, которую сама вырезала ножницами. Она помнила, как прятала его под кроватью, надеясь спасти от мусорного мешка.

Ася подняла игрушку. На нижней стороне сохранилась та самая бороздка.

За входной дверью раздался стук.

Она так сильно сжала волчок, что остриё впилося в ладонь.

— Ася? — позвал женский голос. — Ты уже приехала?

На крыльце стояла женщина лет шестидесяти пяти в длинном синем пальто и меховых сапогах. Седые волосы она собрала на затылке, а поверх воротника повязала красный шарф. В одной руке держала корзину, во второй — тяжёлую связку ключей.

Увидев Асю, женщина остановилась и несколько мгновений смотрела на неё с выражением, которое трудно было принять за приветливое любопытство. В нём смешались облегчение, растерянность и ожидание дурной новости.

— Ты всё-таки вошла, — сказала она.

— Других вариантов было немного. Дверь открылась сама.

Женщина перевела взгляд на разорванную печать.

— Значит, узнал.

— Кто?

— Замок. Старый механизм. Твоя бабушка уверяла, что он различает ключи по руке хозяина.

Ася посторонилась, пропуская гостью в прихожую.

— А я уверена, что механизмы не узнают людей.

— Поэтому ты и уехала.

Фраза прозвучала буднично, хотя никакого смысла в ней не было. Женщина закрыла дверь, поставила корзину на скамью и сняла перчатки. На правой руке не хватало кончика указательного пальца.

— Тамара Петровна Седова, — представилась она. — Мы разговаривали по телефону.

— Только один раз. Вы сказали, что передадите ключи оценщику.

— Я решила прийти сама. Хотела увидеть тебя до того, как ты начнёшь разбирать дом.

Ася показала связку, полученную у нотариуса.

— У меня уже есть ключи.

Тамара Петровна посмотрела на них и едва заметно поджала губы.

— Эти от пристройки, сарая и ворот. К входной двери твой ключ давно потеряли.

— Тогда чем я её открываю?

Ответа не последовало. Тамара сняла пальто и повесила рядом с серым платком, явно чувствуя себя в доме привычнее новой хозяйки.

— Я принесла еду, свечи и спички. Электричество работает, но проводка старая. Воду перекрыли неделю назад, сейчас открою кран в подполе. Печь топить умеешь?

— Разберусь.

— Ты всегда так говорила.

Ася положила волчок на край скамьи.

— Мы встречались?

Женщина, потянувшаяся к корзине, остановилась.

— Конечно.

— Когда?

— До твоего отъезда.

— Я приезжала сюда ребёнком на одно лето. Мне было девять.

— Тебе было двенадцать, когда Галина привезла тебя насовсем. Семнадцать, когда ты уехала.

За окном с ветки сорвался снег и шлёпнулся на навес. Ася невольно повернула голову на звук, выиграв секунду перед ответом.

— Вы меня с кем-то путаете.

— Вряд ли. Ты мало изменилась. Волосы короче, взгляд тяжелее, а привычка спорить раньше, чем дослушаешь, осталась.

Тамара произнесла это без насмешки. Скорее, с усталой уверенностью человека, который не собирается доказывать очевидное.

— Я жила с отцом в Нижнем Новгороде, — сказала Ася. — Училась там в школе, потом поступила в институт. В Чёрноречье я не жила.

— Ты училась в нашей школе четыре года. До неё ходила в городскую, потом вернулась к отцу и закончила выпускной класс там.

— У вас сохранились документы?

— В школьном архиве должны быть. Фотографии у меня точно сохранились.

— Покажите.

Тамара посмотрела на закрытую комнату второго этажа, хотя с её места дверь не была видна.

— Покажу завтра. Сегодня тебе лучше устроиться и отдохнуть.

— Я приехала не отдыхать. Дом выставляется на продажу, оценщик будет послезавтра. Мне нужно понять его состояние и разобрать бабушкины бумаги.

— Продать успеешь.

— Я не хочу затягивать.

— Галина тоже не хотела.

Разговор начал раздражать Асю. Она сняла куртку, повесила её на свободный крючок и сразу пожалела: в прихожей было прохладно, а обещанное печное тепло не доходило до внешней стены.

— Кто сегодня топил?

Тамара развязала полотняную салфетку, накрывавшую корзину. Внутри лежали хлеб, банка варенья, несколько яблок и небольшой котелок.

— Я приходила утром.

— Значит, вы оставили дверь открытой?

— Я выходила через кухню. Там отдельное крыльцо.

— В доме был ребёнок?

Руки Тамары остановились над котелком.

— Какой ребёнок?

— Босой. Он прошёл от середины прихожей до зеркала. Следы ещё не высохли, когда я вошла.

Ася указала на половик.

Следов не было.

Ткань оставалась тёмной от старости, но сухой. Исчез и отпечаток ладони на зеркале. Даже развод, оставленный пальцем Аси, испарился.

Она достала телефон и открыла галерею.

Первый снимок фасада сохранился. Второй тоже. Затем шли фотографии дверной печати, лестницы, зеркала.

На экране были видны мокрые отпечатки.

Ася приблизила изображение и протянула телефон Тамаре.

Женщина не взяла его. Она взглянула на экран с расстояния, и краска отхлынула от её лица.

— Ты поднялась наверх?

— Я осмотрела комнаты.

— Все?

— Одна заперта. У неё сняли ручку.

— Не трогай эту дверь.

— Почему?

— Доски разбухли, перекрытие за ней повреждено.

— За дверью пахнет землёй.

Тамара прикрыла глаза. На несколько секунд её лицо стало старше: возле рта обозначились глубокие складки, плечи опустились.

— Галина обещала мне, что закроет комнату до твоего приезда.

— Она умерла. Выполнить обещание ей было затруднительно.

— Она знала, что ты приедешь.

— Дом достался мне по завещанию. Тут не требовался дар предвидения.

Тамара наконец посмотрела прямо на Асю.

— Завещание Галина составила семь лет назад. После твоего второго приезда.

Ася почувствовала, как остриё волчка снова упирается в кожу. Она всё ещё держала игрушку, хотя не помнила, когда взяла её со скамьи.

— Я здесь впервые после детства.

— Ася, я не знаю, что твой отец рассказал тебе после возвращения. Не знаю, что ты решила забыть сама. Но я видела тебя в этом доме взрослой. Ты приехала ночью, одна, без вещей. Провела здесь три дня и уехала, даже не попрощавшись.

— Сколько мне было?

— Двадцать три.

Уверенность в голосе Тамары не оставляла места для вежливой ошибки. Ася могла бы решить, что женщина пытается повлиять на продажу. Могла отказаться от разговора, вызвать оценщика раньше и уехать ближайшим поездом. Именно так она поступила бы в любой другой ситуации.

Но волчок лежал в её ладони.

— Где вы его нашли? — спросила Ася.

Тамара посмотрела на игрушку и отшатнулась так, словно увидела в руке Аси раскалённый уголь.

— Он был наверху?

— Возле чемодана.

— Я его не приносила.

— Он принадлежал мне. В детстве. Отец выбросил его при переезде.

— Галина вырезала этот волчок здесь. Ты раскрасила его красной краской в мастерской Льва.

Имя прозвучало впервые, но вызвало мгновенную реакцию тела. Мышцы живота сжались, во рту появился металлический привкус, а левая ладонь сама легла на грудь, словно там возникла боль от старого ушиба.

Ася уронила волчок.

Игрушка ударилась о половицу, закружилась и пошла к лестнице. Красная полоса слилась в ровное кольцо. Волчок вращался дольше, чем позволяла сила падения, затем добрался до первой ступени и остановился остриём вверх.

Тамара шагнула к нему, но поднимать не стала.

— Кто такой Лев?

— Не здесь.

— Именно здесь. Вы назвали имя, после которого ведёте себя так, словно сказали лишнее. Кто он?

— Человек, которого Галина пыталась спасти.

— От чего?

— От тебя.

Ася рассмеялась. Получилось коротко и зло.

— Вы серьёзно рассчитываете, что я поверю в эту историю? Я жила здесь пять лет, потом вернулась в двадцать три года, но забыла оба раза. Бабушка оставила мне дом, где прятала человека от собственной внучки. Двери открываются сами, игрушки возвращаются из мусора. Осталось сообщить, что за мной наблюдает семейное проклятие.

— Никакого семейного проклятия нет.

— Какая удача.

— Есть вещи хуже проклятий. Они возникают из решений, которые люди принимают добровольно.

Тамара подняла волчок, положила его в карман пальто и сняла с крючка шарф.

— Куда вы?

— Открою воду, принесу ещё дров. После заката во дворе не ходи.

— Почему?

— Снег у реки рыхлый, под ним старые ямы.

— И всё?

Тамара обмотала шарф вокруг шеи.

— Не смотри на дом снаружи после того, как в комнатах зажёётся свет.

— Вы сейчас понимаете, как это звучит?

— Понимаю лучше, чем мне хотелось бы.

Она вышла через кухню, не дожидаясь ответа.

Ася проследовала за ней. Кухня занимала заднюю часть первого этажа. Здесь находились большая русская печь, современная плита у окна, тяжёлый стол и три разных стула, ни один из которых не подходил к остальным. За низкой дверью начиналось крытое крыльцо, ведущее во двор.

На снегу тянулась одна цепочка следов — следы сапог Тамары. Женщина направлялась к небольшой пристройке возле сарая.

— Тамара Петровна!

Седова обернулась.

— Почему нельзя смотреть на дом?

— Потому что окна иногда показывают то, чего внутри уже нет.

Ответ мог быть частью местной легенды, попыткой остановить продажу или проявлением чьей-то тяжёлой вины. Ася не стала выбирать объяснение сразу. Она вернулась в кухню и закрыла дверь.

До вечера оставалось несколько часов.

Она решила использовать их на работу.

Первым делом Ася открыла воду и проверила трубы. Затем обошла комнаты первого этажа: гостиную с двумя окнами на дорогу, столовую, маленькую спальню бабушки и мастерскую в боковой пристройке. Последняя заинтересовала её сильнее остальных помещений.

Верстак стоял под широким окном, инструменты висели на стене в строгом порядке. Стамески были заточены, кисти вымыты, банки с краской плотно закрыты. Бабушка занималась резьбой по дереву, хотя Ася никогда об этом не слышала. На полках лежали наличники, фигурки птиц, части рам и десятки заготовок для детских игрушек.

В верхнем ящике верстака Ася нашла красную краску.

Банка была старой, с потёртой этикеткой. На крышке засох отпечаток маленького пальца.

Она сфотографировала мастерскую и открыла второй ящик. Внутри лежали письма, перевязанные чёрной лентой. На конвертах стояло её имя.

«Асе».

Ни адреса, ни марки. Бабушка писала их, но не отправляла.

Ася сняла ленту. Первое письмо датировали январём двенадцатилетней давности.

«Ты просила не искать тебя, и я выполняю просьбу, хотя каждый день считаю её ошибкой. В доме стало пусто. Лев больше не приходит к рябине. Тамара говорит, что это хороший знак, но я ей не верю».

Следующий лист оказался наполовину сожжён. На уцелевшей части осталось несколько строк:

«Если память вернётся раньше, чем ты будешь готова, не входи в северную комнату. Что бы ты ни услышала, не отвечай голосу за дверью».

Ася подняла голову.

Над верстаком висел план дома, нарисованный от руки. Северная комната располагалась в конце коридора второго этажа. Та самая, без ручки.

Она перечитала письмо. Почерк совпадал с открытками бабушки.

В третьем конверте лежала пустая бумага. Четвёртый содержал фотографию.

На снимке было лето. У крыльца стояли три человека: бабушка, молодая Тамара и девушка лет шестнадцати. Девушка улыбалась в объектив, придерживая рукой волосы.

Это была Ася.

Она узнала собственный подбородок, форму бровей, небольшую отметину над правым виском. Ошибиться было невозможно. На ней была белая рубашка с закатанными рукавами и длинная тёмная юбка. Рядом стоял юноша, которого Ася никогда не видела.

Высокий, худощавый, с выгоревшими на солнце волосами. Он смотрел не в объектив, а на Асю, и держал ладонь на её плече. На его лице не было улыбки, однако близость между ними чувствовалась без объяснений. Так стоят люди, давно привыкшие касаться друг друга.

На обороте бабушка написала:

«Ася и Лев. Последний август до пожара».

Ниже другой рукой добавили:

«Если она вернётся, фотографию уничтожить».

Ася опустила на стул.

Фотография могла быть подделкой, но изготовить её за несколько часов невозможно. Бумага действительно была старой, края успели пожелтеть. В мастерской имелись ножи, клей и материалы для реставрации, однако следов монтажа на снимке она не заметила.

Она открыла галерею телефона и нашла собственные детские фотографии. В двенадцать лет у неё были длинные волосы. В шестнадцать — та же отметина у виска, тот же изгиб губ.

Фотографии из Чёрноречья в памяти телефона отсутствовали.

Ася позвонила отцу.

Соединение оборвалось до первого гудка. Возле кухонного окна появилась одна полоска связи, но повторный звонок не прошёл. Она написала сообщение:

«Папа, я в бабушкином доме. Тамара Седова говорит, что я жила здесь с двенадцати до семнадцати лет. Нашла фотографию. Позвони, как увидишь».

Сообщение осталось неотправленным.

Ася положила снимок в карман и вернулась к письмам. В самом нижнем конверте находился детский рисунок. Дом, дерево с чёрными ягодами и две фигуры возле ствола. Одна была подписана «Ася», другая — «Лев».

На рисунке её имя вывели круглым детским почерком.

Ася достала из сумки блокнот и написала своё имя левой рукой, как делала в детстве. Буква «с» легла ниже строки, хвост у «я» загнулся внутрь. На рисунке были те же особенности.

Она перевернула лист.

На обороте стояла дата. Асе тогда было тринадцать.

Из дома донёсся глухой удар.

Звук пришёл со второго этажа.

Ася вышла из мастерской и прислушалась. Следом раздалось протяжное движение, словно по полу тащили тяжёлый стул.

Она взяла с верстака молоток.

В прихожей уже темнело. Сумерки собирались под лестницей и в дальних углах, а окна отражали комнаты, превращаясь в неровные чёрные зеркала. Ася включила свет. Под потолком вспыхнула лампа, затем ещё одна в коридоре.

На втором этаже горел свет.

Она точно не включала его.

Лампа под матовым плафоном освещала площадку и часть коридора. Двери открытых комнат оставались в прежнем положении. Закрытая дверь в конце коридора выглядела иначе.

В её центре появилась ручка.

Круглая, латунная, потемневшая от прикосновений.

Ася поднялась до середины лестницы. Влажных следов на ступенях не было. Зеркало отражало пустую прихожую.

— Тамара Петровна?

Никто не ответил.

Она преодолела оставшиеся ступени и подошла к северной комнате. Ручка была холодной. Вокруг основания краска не потрескалась, хотя ещё утром там находилась деревянная пробка.

Ася потянула.

Дверь не открылась.

За ней кто-то прошептал:

— Ты поздно.

Голос принадлежал девочке.

Ася отёрнула руку. Молоток соскользнул в ладони, рукоять ударила по запястью.

— Кто там?

— Он уже проснулся.

— Открой дверь.

— Ты сама закрыла.

Голос звучал близко, у самого полотна. Ася опустилась, посмотрела в нижнюю щель и увидела свет.

Не полосу электрического света из окна, а тёплое колеблющееся сияние, похожее на огонь свечи. По ту сторону двери прошла тень маленьких ног.

— Как тебя зовут? — спросила Ася.

Девочка не ответила.

Внизу хлопнула кухонная дверь.

Ася обернулась, спустилась на несколько ступеней и увидела Тамару. Женщина стояла в прихожей с охапкой дров. Заметив Асю у северной комнаты, она выпустила поленья. Одно прокатилось к лестнице.

— Отойди от двери.

— Там ребёнок.

Тамара бросилась наверх с неожиданной для её возраста быстротой. Она схватила Асю за локоть и потянула к лестнице.

— Тамара Петровна, прекратите!

— Ты слышала голос?

— Девочку. Она сказала, что я сама закрыла комнату.

Седова посмотрела на дверную ручку. Та по-прежнему оставалась на месте.

— Утром ручки не было, — сказала Ася. — Вы это видели.

— Я видела.

— Что происходит в этом доме?

Тамара отпустила её руку.

— Сколько писем ты нашла?

— Достаточно, чтобы понять: вы оба лгали мне. Вы и бабушка.

— Галина пыталась оставить тебе выбор.

— Какой выбор может быть у человека, которому вырезали пять лет жизни?

— Память нельзя вырезать.

— Тогда объясните фотографию.

Ася достала снимок. Тамара взяла его за края и долго смотрела на юношу рядом с Асей.

— Я должна была сжечь её, — произнесла она.

— Почему не сожгли?

— Потому что в тот день решила, что Галина ошибается. Я хотела оставить доказательство на случай, если ты вернёшься и назовёшь нас сумасшедшими.

— У вас получилось. Доказательство есть. Теперь рассказывайте.

За дверью ударили три раза.

Тамара вздрогнула.

— Сначала уйдём вниз.

— Я никуда не уйду, пока вы не скажете, кто там.

— В комнате никого нет.

— Я слышала ребёнка.

— Дом говорит теми голосами, которые человек готов услышать.

— Дом не разговаривает.

— Ещё утром ты утверждала, что здесь не жила.

Удар повторился. Теперь он пришёлся в нижнюю часть двери. Латунная ручка повернулась вниз, но полотно осталось закрытым.

Тамара взяла Асю за плечи и развернула к лестнице.

— Спускайся. Сейчас.

В её голосе впервые прозвучал настоящий страх. Не театральная тревога и не желание управлять гостьей, а страх человека, который уже видел последствия и узнал первые признаки их возвращения.

Ася позволила увести себя на первый этаж.

Тамара собрала дрова, закрыла лестницу складной решёткой, которую Ася раньше приняла за декоративную перегородку, и вставила в крепление длинный железный штырь.

— Это остановит ребёнка? — спросила Ася.

— Это напугает тебя, что наверх ходить не следует.

— Ночевать я буду где?

— Внизу. В спальне Галины.

— А если я сниму штырь?

— Снимешь. Я знаю.

— Тогда зачем ставите?

Тамара выпрямилась и потёрла поясницу.

— Потому что прежде ты хотя бы несколько минут думала, прежде чем нарушить запрет.

Несмотря на происходящее, Ася едва не улыбнулась. Фраза прозвучала настолько бытовому, что на миг вернула происходящему обычные очертания.

Они перешли в кухню. Тамара разожгла печь, поставила на плиту котелок и заварила чай. Действовала она уверенно, без лишних движений, словно разговор о доме, крадущем память, был неприятной, но привычной частью хозяйственных дел.

Ася села у стола, положила перед собой фотографию и рисунок.

— Начните с простого. Когда я приехала сюда впервые?

— В детстве тебя привозили несколько раз, но ты этого не помнила уже к двенадцати годам. После смерти матери отец не справлялся. Галина забрала тебя на время. Время растянулось на несколько лет.

— Отец никогда не говорил, что я уезжала.

— Он многое хотел забыть.

— Я училась в Нижнем.

— Часть воспоминаний верна. Ты ездила туда на несколько месяцев, сдавала экзамены, возвращалась. Память сама заполняет пустоты знакомыми событиями. Иногда человек соединяет два настоящих года и не замечает, что между ними существовал третий.

Ася провела пальцем по краю снимка.

— Кто такой Лев?

Тамара сняла котелок с огня, налила чай в две чашки и только после этого ответила:

— Внук мастера, который восстанавливал этот дом. Вы познакомились здесь.

— Мы были друзьями?

— Сначала.

— Потом?

— Потом вы решили, что сможете исправить то, чего не понимали.

— Что именно?

— Рябину.

За кухонным окном темнело раскидистое дерево. Оно росло в дальнем углу двора, ближе к северной стене дома. Ствол разделялся у земли на три части, ветви поднимались выше крыши. На них оставались гроздья ягод — настолько тёмных, что даже на снегу они казались чёрными.

— Обычное дерево, — сказала Ася.

— Раньше и я так думала.

— Что произошло с Львом?

Тамара обхватила чашку ладонями.

— Он погиб.

Слова легли между ними с окончательностью, которой не было в остальных ответах.

— Когда?

— Четырнадцать лет назад. Во время пожара.

Ася посмотрела на фотографию. Юноша стоял рядом с её шестнадцатилетней версией, положив руку ей на плечо. Если снимок настоящий, он был частью её жизни. Возможно, первой любовью. Возможно, причиной, по которой бабушка просила не входить в комнату.

Она не почувствовала горя. Только внутреннюю пустоту, похожую на незнакомую комнату, дверь в которую существует, а входа нет.

— Его тело нашли?

Тамара не ответила.

— Значит, не нашли.

— Дом горел изнутри. Северная комната обрушилась, хотя внешние стены уцелели. После пожара Галина перестроила этаж и закрыла дверь.

— Почему она пишет, что Лев больше не приходит к рябине, если он погиб?

Тамара подняла голову.

— Какое письмо ты читала?

— Оставленное мне.

— Покажи.

— Сначала ответьте.

В стекло ударила ветка.

Обе женщины повернулись к окну. Ветер к вечеру усилился, раскачивая рябину. Одна ветвь скребла по стене возле второго этажа.

Тамара встала и задёрнула занавеску.

— После пожара Ася, которую я знала, исчезла, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты вернулась к отцу, закончила учёбу и построила другую жизнь. Галина пыталась принять это. Иногда ей казалось, что Лев остался в доме. Она слышала шаги, находила передвинутые вещи, видела свет в северной комнате. Я считала, что горе повредило её рассудок.

— А теперь?

— Теперь ты снова здесь, и дверь вернула ручку.

Снаружи раздался звон.

Не телефонный. Тонкий металлический звук, как от небольшого колокольчика.

Тамара сорвала занавеску с крючка и плотнее прижала к стеклу.

— Что это?

— Галина вешала колокольчик на рябину. Он предупреждал, если кто-то подходил к дому со стороны реки.

— Может, кто-то пришёл.

— После темноты к этому дому не приходят.

— Вы говорили, что во дворе старые ямы.

— Я сказала это, потому что надеялась, что тебе хватит обычной причины.

Колокольчик звякнул снова. Теперь ближе.

Ася встала.

— Я посмотрю.

— Не открывай дверь.

— Вдруг человек заблудился?

— Человек позвал бы.

Ася подошла к кухонному окну и отдёрнула край занавески.

Двор освещала лампа над крыльцом. Свет захватывал узкий участок возле дома, дорожку и часть рябины. За деревом начиналась темнота.

На снегу стояла девочка.

Босая, в светлом платье до колен. Тёмные волосы падали на лицо. Она находилась у самого ствола, одной рукой держась за ветку с чёрными ягодами.

Ася рванула занавеску в сторону.

Двор опустел.

— Вы видели её? — спросила она.

Тамара не подошла к окну.

— Кого?

— Ребёнка. Того, кто оставил следы.

— Опиши.

— Лет восемь. Тёмные волосы, светлое платье. Босиком.

Тамара закрыла лицо ладонью.

— Галина не успела.

— Что она должна была сделать?

— Уничтожить всё, что дом мог использовать, чтобы позвать тебя.

Свет на кухне погас.

Печь продолжала освещать комнату через узоры чугунной дверцы. Красноватые полосы легли на пол и край стола. В коридоре что-то щёлкнуло, после чего наверху зажглась лампа.

Ася вспомнила предупреждение: не смотреть на дом снаружи после того, как в комнатах появится свет.

Она взяла фонарь и куртку.

— Куда ты собралась? — спросила Тамара.

— Проверить щиток. Он снаружи?

— Возле бокового крыльца.

— Тогда я выйду на минуту.

— Ася, останься.

— Вы можете рассказывать легенды до утра. Электричество от этого не появится.

Она открыла кухонную дверь. Тамара схватила её за рукав, но Ася высвободилась и вышла на крыльцо.

Мороз усилился. Снег под ботинками скрипел, дыхание сразу оседало влагой на шарфе. Фонарь выхватил из темноты стену, водосточную трубу и серый металлический ящик. Автомат внутри оказался включён.

Ася перевела луч на провода. Повреждений не было.

Позади звякнул колокольчик.

Она повернулась к рябине. На снегу под деревом темнели следы босых ног. Они вели к дому и заканчивались возле северной стены.

Ася пошла вдоль них.

Шаги ребёнка огибали угол. Здесь снег был глубже, а свет кухонной лампы не достигал земли. Она подняла фонарь и увидела окно северной комнаты.

За стеклом стояла девочка.

Теперь Ася различила её лицо.

Круглое, бледное, с небольшой отметиной над правым виском.

Так выглядела сама Ася на старых фотографиях.

Девочка прижала ладонь к стеклу. Губы шевельнулись.

— Не вспоминай его.

Ася бросилась к крыльцу.

Она влетела в кухню, задела плечом косяк и едва не сбила Тамару, стоявшую у двери.

— Она наверху.

— Не ходи!

Ася уже бежала через коридор. Она выдернула железный штырь из крепления, откинула решётку и поднялась по лестнице. Свет на площадке мигал. Дверь северной комнаты была открыта.

За ней находилось небольшое помещение с одним окном. Пустые стены, голый пол, низкий потолок. Ни земли, ни свечи, ни ребёнка. На стекле изнутри сохранился отпечаток детской ладони.

Ася подошла к окну и посмотрела вниз.

Тамара стояла во дворе у северной стены.

Рядом с ней на снегу находилась Ася.

Другая Ася, взрослая, в той же куртке, с распущенными волосами. Она держала девочку за руку и смотрела вверх.

На Асию у окна.

Лампа погасла.

Комната наполнилась темнотой, а дверь за спиной захлопнулась.

Ася навалилась на неё плечом. Полотно открылось сразу, без сопротивления. В коридоре никого не было. Она спустилась вниз и нашла Тамару на кухне. Женщина стояла возле печи, никуда не выходящая: на её сапогах не было снега.

— Там была я, — сказала Ася. — Во дворе. Я держала девочку за руку.

Тамара молчала.

— Скажите, что происходит.

— Сегодня уже поздно.

— Я никуда не лягу, пока вы не объясните.

— Сейчас ты ничего не услышишь. Будешь спорить, искать доказательства и открывать двери. Утром станет хуже.

— Почему?

— Дом начал возвращать тебе память.

Ася хотела возразить, но внезапно не смогла вспомнить, где находилась в день своего двадцать третьего рождения.

Вопрос возник случайно, из-за слов Тамары о втором приезде. Ася знала, что тогда жила в Нижнем Новгороде, работала помощницей в реставрационной мастерской, снимала комнату рядом с площадью. Помнила год до этого: защиту диплома, первую самостоятельную работу, поездку с отцом на Волгу. Помнила следующий год: переезд в Петербург, собеседование, знакомство с будущим партнёром.

Между ними ничего не было.

Не отдельный день, не размытый месяц — целый год исчез, оставив вместо себя набор сведений. Она знала адрес, где якобы жила. Знала название мастерской. Знала, сколько зарабатывала. Но не могла представить дорогу от дома до работы, лицо хозяина квартиры, собственную комнату или хотя бы одну зиму.

Ася села на скамью у стены.

— Я не помню этот год.

Тамара подошла, однако не стала прикасаться к ней.

— Какой?

— Двадцать третий.

— Тогда ты приехала за Львом.

— Вы сказали, что он погиб раньше.

— Поэтому Галина и пыталась тебя остановить.

Тамара осталась в доме до полуночи. Она закрыла ставни первого этажа, проверила двери и растопила печь в бабушкиной спальне. На вопросы больше не отвечала, обещая утром принести фотографии и школьные записи.

Ася не спорила.

Она сидела за кухонным столом, составляя в блокноте хронологию собственной жизни. Детство, школа, институт, первая работа. Факты складывались ровно до двадцати двух лет и продолжались с двадцати четырёх. Пустой промежуток между ними становился заметнее с каждой строкой.

Перед уходом Тамара остановилась у входной двери.

— Не смотри ночью в зеркала.

— Почему?

— Они запоминают быстрее людей.

— Утром вы расскажете всё.

— Утром ты сама начнёшь спрашивать иначе.

Когда калитка закрылась, Ася проверила замки. Затем перенесла чемодан в бабушкину спальню и положила рядом молоток из мастерской. Свет восстановился сам, хотя к щитку она больше не выходила.

Спать Ася не собиралась. Она открыла ноутбук и нашла архив старой переписки. Папки за нужный год существовали, но большинство писем было удалено. Сохранились квитанции, рабочие уведомления и одно сообщение без адреса отправителя.

«Не приезжай снова. Он научился говорить твоим голосом».

Дата совпадала с её двадцать третьим днём рождения.

Ася перечитала сообщение несколько раз. Затем открыла прикрепленный файл. На экране появилась фотография дома в Чёрноречье, снятая ночью.

В окне второго этажа стоял Лев.

Она узнала его по летнему снимку из мастерской. Он выглядел старше, лицо осунулось, на рубашке темнели следы копоты. Одной рукой он держался за раму, второй указывал во двор.

Туда, где за чёрной рябиной стояла Ася.

Собственная фигура на снимке была снята со спины. На снегу перед ней лежала открытая дверь, хотя никакой двери во дворе существовать не могло.

За стеной спальни прошли детские шаги.

Ася закрыла ноутбук и вышла в коридор. Свет горел, двери оставались закрытыми. На лестничной площадке никого не было.

В ванной запотело зеркало.

В доме не работал душ, вода оставалась ледяной, а печное тепло сюда не доходило. И всё же белёсый пар медленно затягивал стекло изнутри рамы.

По влажной поверхности прошла линия.

Затем вторая.

Невидимый палец выводил буквы одну за другой.

Ася стояла в дверях, не приближаясь, пока надпись не закончилась.

«Ты уже возвращалась за Львом».

Под последним словом появился отпечаток детской ладони.

На этот раз у него не хватало одного пальца.

Глава 2. Человек, которого нет

Отпечаток на зеркале исчез прежде, чем Ася успела его сфотографировать.

Влажный контур ладони стянулся к середине стекла, распался на мутные пятна и растворился вместе с надписью. Через несколько секунд зеркало снова отражало тесную ванную: потемневшие доски стены, медный кран над раковиной и Асю в длинной футболке, с телефоном в одной руке и молотком в другой.

Она подошла ближе и провела пальцами по поверхности. Стекло оставалось сухим и ледяным. Ни следа пара, ни разводов, ни царапин.

Исчезло всё, кроме воспоминания о ладони, у которой не хватало одного пальца.

Ася вернулась в коридор. В доме не было слышно детских шагов. Свет на первом этаже горел ровно, дверь северной комнаты оставалась закрытой, а складная решётка возле лестницы стояла прислонённой к стене. Железный штырь лежал на полу там, куда Ася бросила его вечером.

Она подняла штырь и снова закрепила решётку.

Движение показалось бессмысленным. Если дом умел возвращать дверные ручки, показывать людей в пустом дворе и запотевать зеркала без горячей воды, лёгкая деревянная перегородка его не остановит. Однако металлический конец вошёл в паз с сухим щелчком, и от этого обычного звука стало легче.

Ася перенесла ноутбук на кухню, поставила его на стол и включила все лампы первого этажа. Затем проверила двери, окна и задвижку на кухонном крыльце. Наружные замки были

целы. Следов возле входа она не нашла, хотя после вечерних событий снег должен был сохранить хотя бы её собственные отпечатки.

Под северной стеной лежала ровная белая полоса.

Никто не подходил к окну. Никто не стоял возле рябины. Никто не держал девочку за руку.

Ася вернулась в дом и записала в блокноте время каждого события, начиная с приезда. Она привыкла вести рабочие журналы во время реставрации: состояние объекта, найденные повреждения, последовательность вмешательств. Память человека ненадёжна даже без дома, который, по словам Тамары, мог забирать целые годы. Запись хотя бы сохраняла порядок.

У двери без ручки появился скрежет.

Волчок оказался возле чемодана.

Тамара назвала имя Льва.

Ручка вернулась.

Девочка в окне.

Другая Ася во дворе.

Пустота вместо двадцать третьего года.

Надпись на зеркале.

Ася перечитала список и добавила последнюю строку:

Отпечаток без указательного пальца.

Она вспомнила правую руку Тамары. Кончика указательного пальца не было.

Совпадение могло оказаться случайным. Отпечаток в зеркале принадлежал детской ладони, а у Седовой были широкие старческие пальцы с заметными суставами. Кроме того, Тамара ушла до появления надписи. Но женщина знала дом, имела ключи и говорила о его странностях так, словно давно научилась отличать опасные признаки от безобидных.

Возможно, она знала и способ оставлять сообщения.

Ася набрала её номер. Телефон показал отсутствие сети.

Она поднялась в спальню, взяла куртку и решила дойти до поворота, где, по словам водителя, появлялась связь. Однако возле входной двери её остановил звук, донёсшийся из мастерской.

Кто-то перевернул лист бумаги.

Через короткий промежуток зашелестел следующий.

Ася не двинулась к лестнице. Мастерская находилась на первом этаже, за столовой, и попасть туда можно было только через коридор или отдельную дверь со двора. Наружную дверь она проверяла несколько минут назад.

Шелест повторился.

Она сняла с крючка тяжёлую трость, включила фонарь и пошла по коридору. Свет скользил по стенам, выхватил фотографии в рамках, круглый стол в столовой и узкую дверь мастерской. Та оставалась приоткрытой.

Днём Ася закрывала её.

Она толкнула полотно концом трости. Внутри никого не было. Письма лежали на верстаке, но чёрная лента, которой они были перевязаны, теперь тянулась по полу к окну. На пути она огибала ножку стула и уходила под шкаф.

Ася присела, посветила в узкую щель.

Под шкафом лежал ещё один конверт.

Добраться до него рукой не получилось. Она нашла длинную линейку, подцепила край и вытащила письмо наружу. На лицевой стороне знакомым почерком было написано:

«Асе, когда она впервые спросит о пожаре».

Конверт не запечатали. Внутри находился сложенный пополам лист без даты.

«Если ты читаешь это одна, значит, Тамара снова решила, что молчание безопаснее правды. Не верь ей во всём, но и врагом не считай. В ту ночь она потеряла больше, чем палец.

Лев вошёл в дом сам. Я видела его у северного крыльца. За ним закрылась дверь, которой там никогда не было. Когда начался пожар, пламя не распространялось по комнатам. Оно било из северной комнаты наружу, словно внутри было тесно.

Тела мы не нашли.

Если он покажется тебе, не называй его мёртвым. Дом не любит это слово.

И не позволяй ему коснуться твоей головы».

Подписи не было.

Ася прочитала письмо дважды. В последней строке чувствовался страх, но бабушка не объясняла, что должно произойти после прикосновения. Как и Тамара, она оставляла запреты, рассчитывая, что одного их существования будет достаточно.

Запреты без причин Ася нарушала ещё в детстве. Это она помнила хорошо.

Она сфотографировала лист и положила его к остальным письмам. Затем вернулась в кухню, села возле печи и попыталась дожидаться утра. Сон приходил короткими провалами. Каждый раз ей казалось, что кто-то стоит у лестничной решётки и проводит ногтем по деревянным прутьям.

Когда серый свет начал проступать сквозь занавески, Ася обнаружила себя за столом с головой на согнутой руке. На странице блокнота под последней записью появились две дуги, похожие на начало буквы. Она не помнила, чтобы брала ручку.

За окном хлопнула калитка.

Тамара пришла с большой кожаной папкой под мышкой. На ней было то же синее пальто, но красный шарф она заменила тёмным платком. Увидев Асю в кухонном окне, женщина подняла ладонь в знак приветствия.

Правая рука. Указательный палец заканчивался ниже первой фаланги.

Ася открыла дверь, но не отошла, оставив Тамару на пороге.

— Покажите руку.

— Доброе утро и тебе.

— Правую.

Тамара изучила её лицо, затем сняла перчатку.

— Зачем?

Ася повернула ладонь женщины к свету. Кожа на месте утраченной части пальца давно зажила, по краю шёл тонкий белый рубец. Остальные пальцы были целы.

— Ночью на зеркале появилась надпись. Под ней остался отпечаток детской ладони без одного пальца.

Тамара отняла руку.

— Что было написано?

— Вы знаете.

— Если бы знала, не спрашивала бы.

— «Ты уже возвращалась за Львом».

Женщина переступила порог и закрыла дверь. Снег на её сапогах начал таять, оставляя на половицах неровные пятна.

— В какое время?

— После полуночи.

— Ты смотрела в зеркало.

— Оно находится напротив двери. Пришлось бы войти с закрытыми глазами, чтобы его не увидеть.

— Можно было не входить.

— Можно было объяснить мне правила до того, как вы оставили меня одну.

Тамара поставила папку на скамью и сняла пальто. Под ним оказался плотный шерстяной жакет с заплатой на локте. Она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, словно ночью не спала не только Ася.

— Дом не оставляет отпечатки Тамариной рукой, — сказала она. — Если ты об этом думаешь.

— Откуда вы знаете?

— Потому что палец я потеряла уже взрослой, четырнадцать лет назад. Девочка, которую ты видишь, гораздо младше.

— Где потеряли?

— Здесь.

Тамара посмотрела на лестницу.

— Во время пожара?

— Через несколько минут после того, как Лев вошёл в дом.

Ася вынула из кармана сложенное письмо и протянула его женщине.

— Это нашлось ночью в мастерской.

Тамара пробежала глазами строки. На упоминании пальца её губы дрогнули, но она дочитала до конца и вернула лист.

— Галина умела оставить слова так, чтобы они появлялись в нужное время.

— Конверт лежал под шкафом.

— В этом доме расстояние иногда зависит от того, кто ищет.

— Вы произносите подобные вещи без объяснений и удивляетесь, что я вам не верю.

— Я давно перестала удивляться.

Тамара прошла в кухню и положила на стол папку.

Внутри находились школьные ведомости, фотографии и несколько газетных вырезок. На первом листе стояло название Чёрнореченской средней школы. В списке седьмого класса Ася нашла собственную фамилию: Морозова Анастасия Сергеевна. Рядом имелись оценки за четверть, отметки о пропусках и подпись классного руководителя.

Следующая ведомость относилась к восьмому классу. Затем к девятому и десятому.

Четыре учебных года, о которых Ася ничего не помнила.

— Подделать такое трудно, — сказала Тамара. — Архив школьный, печати настоящие. Я взяла документы под расписку, вечером должна вернуть.

Ася перевернула лист. На обороте остался бледный след копировальной бумаги.

— В старых ведомостях можно заменить страницу.

— Можно. Поэтому я принесла фотографии.

На первом снимке подростки стояли на ступенях школы. Ася обнаружила себя во втором ряду. Она была моложе, чем на летней фотографии возле дома, и держала на руках полосатого кота. На следующем снимке она сидела за длинным столом рядом с девочкой с двумя косами. На третьем — красила декорацию для школьного представления.

Льва среди учеников не было.

— Он учился в другом месте? — спросила Ася.

— Был старше на четыре года. Когда ты приехала, он уже закончил школу и работал с дедом.

— В мастерской?

— Сначала везде, где требовались руки. Потом занимался домами. У него был редкий талант: он видел, как старую вещь собирали, даже если от неё оставалась половина.

— Реставратор?

— Так он себя не называл. Говорил, что чинит чужие ошибки.

Ася задержала взгляд на школьной фотографии. Девушка с её лицом улыбалась свободно и широко. В нынешних снимках такая улыбка встречалась редко. После смерти матери отец

почти не фотографировал дочь, а сама Ася долго считала подростковые годы временем, которое лучше не рассматривать.

Теперь выяснялось, что она не знала даже места, где эти годы прошли.

— Вы сказали, что Лев погиб. Кто это видел?

Тамара открыла отдельный карман папки и положила перед ней вырезку из районной газеты. Заголовок сообщал о пожаре в частном доме на окраине Чёрноречья. Пострадавших среди жильцов не было. Один человек числился пропавшим.

Лев Андреевич Воронов, двадцать лет.

— Тело не нашли, — сказала Ася.

— Нет.

— Тогда почему вы говорите о его смерти как об установленном факте?

— Потому что я видела, как он вошёл в горящий дом.

— В письме бабушка пишет, что пожар начался после того, как он вошёл.

— Так и было.

— Значит, дом ещё не горел.

Тамара села напротив. Она положила руки на стол и сцепила пальцы, спрятав повреждённый указательный между ладонями.

— Вечером вы с Львом поссорились. Из-за рябины. Он пришёл к Галине около одиннадцати, требовал открыть северную комнату. Галина отказала. Я была здесь и слышала разговор. Потом он ушёл во двор.

— А я?

— Заперлась наверху.

— В северной комнате?

— В своей спальне. Тогда она находилась рядом.

— Что произошло дальше?

— Со стороны реки зазвонил колокольчик. Мы вышли через кухню и увидели Льва возле северной стены. Перед ним стояла дверь.

— Та, что была на фотографии из письма?

Тамара не спросила, откуда Ася знает. Видимо, поняла, что она нашла сообщение в ноутбуке.

— Да. Высокая, тёмная, с железным кольцом. Она стояла прямо в снегу. За ней не было стены или сарая. Только двор. Лев открыл её и шагнул внутрь.

— Вы позволили ему?

— Я схватила его за рукав. Он сказал, что ты уже там.

Ася отодвинула фотографию.

— Но я была наверху.

— Мы тоже так думали.

— Кто ещё видел?

— Галина. Сосед с дороги, Степан Лозовой, прибежал позже, когда начался пожар. Он видел только огонь и Льва в окне.

— В каком окне?

Тамара указала на потолок.

— В северном.

— Лев вошёл в дверь во дворе и оказался на втором этаже?

— Я не знаю, куда он попал. Через несколько минут в северной комнате загорелся свет. Потом стекло лопнуло, и наружу ударило пламя.

— Вы пытались войти?

— Галина побежала наверх. Я за ней. Дверь комнаты не открывалась. Мы выбили нижнюю филёнку. Когда я просунула руку, изнутри захлопнулась вторая створка.

Тамара подняла повреждённый палец.

— Галина вытащила меня. Огонь уже шёл по коридору. Пришлось уходить.

— А Лев?

— Он стоял за окном.

— Вы видели его внутри?

— Я видела силуэт. Он держался за раму и смотрел во двор.

Ася вспомнила фотографию из старого сообщения: осунувшееся лицо, следы копоты на рубашке, рука, указывающая за рябину.

— Он мог выйти через окно.

— Второй этаж. Под окном росла рябина, но ветви тогда были тоньше. Мы обошли дом. На снегу никто не появлялся.

— Пожарные осмотрели комнату?

— Когда добрались, северная часть перекрытия обрушилась. Разбирали три дня. Нашли обгоревшую одежду, металлическую пряжку и часть сапога. Ни костей, ни зубов, ничего, что подтвердило бы смерть.

— Поэтому дело оставили как исчезновение.

— Официально — да.

Ася взяла газетную вырезку. В конце заметки упоминалось, что причины возгорания установить не удалось. Электрическая проводка в северной части дома была отключена, печных каналов там не существовало.

— Я хочу осмотреть комнату.

— Она перестроена.

— Старые балки сохранились. Вчера я видела обгоревшее дерево под подоконником.

— Ты вошла туда ночью на несколько минут.

— Мне хватило.

Тамара покачала головой.

— Отложи до приезда оценщика.

— Оценщик проверит перекрытия и стоимость ремонта. Меня интересует пожар.

— Тебя интересует Лев.

— Пока меня интересует, почему вы объявили умершим человека без тела и четырнадцать лет повторяете эту версию.

Тамара поднялась из-за стола.

— Потому что надежда тоже бывает жестокой. Галина прожила с ней остаток жизни. Каждый скрип принимала за его шаги, каждый свет наверху — за возвращение. Если человек не выходит из огня четырнадцать лет, его называют погибшим.

— Даже если дом показывает его в окне?

— Особенно тогда.

Они поднялись на второй этаж после завтрака, к которому ни одна из них почти не приоткрылась. За ночь дверь северной комнаты снова изменилась. Латунная ручка исчезла, на её месте находилась деревянная пробка. Отпечаток на оконном стекле пропал.

Ася принесла из мастерской узкий шпатель и небольшой ломик. Она ввела металлический край между полотном и косяком.

— Дверь открывалась внутрь, когда я вошла, — сказала она.

— До пожара тоже.

— Значит, вчера дом изменил петли или показал мне другую комнату.

— Теперь понимаешь, почему я не люблю уверенные ответы?

— Пока я понимаю, что дерево не переставляет петли само.

Она надавила на ломик. Засохшая краска осыпалась, полотно подалось. Замка внутри не оказалось. Дверь удерживал лишь толстый слой краски на притворе.

Северная комната встретила их дневным светом. Одно окно выходило во двор, второе, узкое, располагалось в боковой стене и смотрело в сторону реки. Ночью Ася его не заметила.

Пол покрывали широкие сосновые доски. Стены обшили вагонкой значительно позже пожара. Потолок опирался на две массивные балки, одна из которых отличалась по цвету. Её заменили.

Ася опустила руку возле порога и провела шпателем по нижней части косяка. Под серой краской показался тёмный слой древесины.

— Обгорело со стороны комнаты, — сказала она.

— Огонь был внутри.

— Косяк обуглен глубже у самого пола, хотя пламя обычно поднимается. Здесь оно либо шло из щели под дверью, либо долго било в закрытое полотно.

Она сняла узкую планку, прибитую к порогу после ремонта. Под ней сохранилась старая доска. Древесина со стороны коридора была только закопчена, а внутренний край превратился в ломкую чёрную корку.

Ася перешла к окну. Под новым подоконником находилась часть прежнего бруса. На нём расходились веером трещины, обращённые наружу.

— Что это значит? — спросила Тамара.

— Самая высокая температура была у стены и окна. Огонь не вошёл из коридора. Он собирался внутри и искал выход.

— Галина писала то же самое.

— Она не была специалистом.

— Лев был.

Ася провела пальцем возле трещины, не касаясь хрупкого края. На боковой стойке заметила ряды мелких отверстий. Когда-то здесь крепили металлическую пластину или узкую раму.

— Что висело на стене?

Тамара подошла ближе.

— Зеркало.

— То самое, возле которого сейчас заканчиваются детские следы?

— Нет. То было меньше. Овальное зеркало на лестнице висело ещё до твоего рождения. Здесь находилось прямоугольное, в полный рост.

— Что с ним стало?

— После пожара стекла не нашли.

— Рама?

— Тоже исчезла.

Ася осмотрела пол возле стены. Новые доски уложили поверх старых лаг, оставив между ними пустоту. У одной доски шляпка гвоздя сидела выше остальных. Она поддела её шпателем и заметила тонкий зазор.

— Здесь открывали пол после ремонта.

— Галина часто что-то меняла.

— У вас есть план перестройки?

— В мастерской должен быть.

Ася просунула ломик в щель. Доска поднялась на несколько сантиметров. Из-под пола потянуло влажной землёй — тем же запахом, который она почувствовала вчера через дверь.

Тамара отступила.

— Закрой.

— Под вторым этажом не может быть грунта.

— Я знаю.

Ася расширила щель и направила вниз фонарь. Луч осветил лагу, слой старой золы и переплетение тонких тёмных корней. Они поднимались снизу, оплетали дерево и уходили в стену.

— Рябина растёт в десяти метрах отсюда.

— Корни давно под всем домом.

— На втором этаже?

Один из корней шевельнулся.

Движение было слабым, но отчётливым. Гибкий кончик оторвался от лаги и повернулся к свету.

Ася опустила доску. Гвоздь вошёл в прежнее отверстие, закрывая щель.

Несколько секунд она держала ладонь на полу, чувствуя слабую вибрацию под древесиной. Так мог дрожать дом от ветра или проходившей по дороге тяжёлой машины. Дорога находилась далеко, ветер стих.

— Вчера за дверью пахло так же, — сказала она.

Тамара стояла у порога, побледнев сильнее, чем при виде ночных фотографий.

— Корни не поднимались сюда после пожара.

— Кто проверял?

— Я. Галина. Рабочие, которые меняли пол.

— Когда вы последний раз открывали доски?

— Семь лет назад.

Двадцать третий год Аси.

— После моего второго приезда?

Тамара не ответила.

— Что я делала в этой комнате семь лет назад?

— Не знаю. Ты никого не пустила наверх.

— Но дверь тогда открывалась.

— Только для тебя.

Ася встала и подошла к боковому окну. На улице виднелся склон, за ним — замёрзшая река. Снег возле стены оставался нетронутым.

— Где была дверь, в которую вошёл Лев?

Тамара указала на участок за рябиной.

— Между деревом и северной стеной.

— Там нет ни фундамента, ни следов постройки.

— Их никогда не было.

Ася сфотографировала комнату, косяк, старый брус и поднятую доску. Затем вышла в коридор и осмотрела обратную сторону двери. Следы жара здесь оказались слабее.

Огонь действительно пытался вырваться из комнаты.

Эта мысль не принадлежала Тамаре или бабушкиному письму. Её подтверждало дерево.

Они спустились в мастерскую и нашли папку с чертежами. Большинство планов относилось к ремонту после пожара. На одном листе северная комната была закрашена чёрным карандашом. Подпись гласила: «Полость не вскрывать».

Рядом стояли инициалы Л. В.

— Лев Воронов? — спросила Ася.

— Его почерк.

— План составлен после пожара.

— Дата могла появиться позже.

— Или Лев делал чертёж заранее.

Тамара провела пальцем над инициалами, не касаясь бумаги.

— Он изучал корни. Считал, что дом вырос вокруг них, хотя Галина говорила обратное.

— Дом построили после посадки дерева?

— Первую часть — да. Потом расширяли. В семье Галины рябину считали хранительницей памяти.

— Вы вчера говорили, что думали о ней как об обычном дереве.

— До тех пор, пока люди не начали вспоминать то, чего с ними никогда не происходило.

— Например?

— Женщина из посёлка нашла в доме фотографию погибшей сестры. Через неделю она стала уверять, что сама прожила её жизнь. Помнила чужого мужа, чужих детей, дом в другом районе. Собственные воспоминания исчезали.

— Чем закончилось?

— Галина забрала фотографию и сожгла. Женщина постепенно пришла в себя.

— Вы уверены, что воспоминания были чужими, а не вытесненными?

— У той женщины не было сестры.

Ася закрыла папку.

— Откуда взялась фотография?

— Дом иногда отдаёт человеку то, что ему легче принять, чем правду.

— Удобное объяснение для любой ошибки.

— Поэтому ты и нравилась Льву. Он говорил то же самое.

На мгновение мастерская изменилась. Ася увидела не нынешнее помещение, а залитую солнцем комнату, в которой молодой мужчина стоял у верстака и спорил с ней. Его лица она не различила, однако слышала смех — низкий, с короткой хрипотцой в конце.

Видение исчезло, оставив ощущение занозы под кожей.

Ася опёрлась ладонью о стол.

— Что случилось?

— Я вспомнила голос.

Тамара не задала лишних вопросов.

— Чей?

— Не знаю.

Они провели остаток дня в местном музее. Тамара настояла, что школьные документы необходимо вернуть, а Ася согласилась лишь потому, что хотела увидеть остальные архивы.

Музей занимал бывший купеческий дом на главной улице Чёрноречья. В первом зале стояли ткацкие станки, сундуки и старые рыболовные снасти. Второй посвятили истории посёлка. В третьем хранили фотографии семей, живших у реки.

На снимке семнадцатилетней давности Ася стояла возле музейного крыльца. Рядом находился Лев. Здесь его лицо было видно лучше: прямой нос, светлые глаза, упрямая складка между бровями. Он уже тогда смотрел на Асю, а не в объектив.

В подписи под фотографией значилось: «Участники восстановления усадьбы Морозовых».

— Я помогала ремонтировать дом?

— Лев учил тебя работать с деревом, — ответила Тамара. — Галина сначала возражала. Потом поняла, что запреты только добавляют тебе упорства.

— Я стала реставратором из-за него?

— Этого я не знаю. После отъезда ты ни разу не написала.

Ася нашла в архивной книге страницу о пожаре. Свидетельские показания Степана Лозового подтверждали рассказ Тамары: мужчина увидел фигуру в окне второго этажа, но не смог войти из-за жара. Там же имелась схема повреждений.

Пламя охватило северную комнату и часть коридора. Кухня, мастерская и лестница пострадали от дыма, но не горели. Деревянный дом уцелел, хотя источник находился на втором этаже и пожар заметили поздно.

С точки зрения обычной физики это выглядело странно.

В отдельном конверте лежала фотография северной стены после тушения. Окно выбило наружу. Рама раскололась, обгоревшие части лежали во дворе. На снегу перед окном тянулась чёрная полоса, напоминавшая след от распахнутой двери.

Ася приблизила снимок к лампе.

За рябиной стояла девочка.

Фигура едва различалась среди ветвей. Светлое платье, тёмные волосы, босые ноги.

— Вы видели это раньше? — спросила Ася.

Тамара долго смотрела на фотографию.

— Нет.

— Она была в архиве четырнадцать лет.

— Я не замечала девочку.

— Или её не было на снимке до моего приезда.

Тамара забрала фотографию и убрала в конверт.

— На сегодня достаточно.

— Вы не можете каждый раз прекращать разговор, когда появляется что-то неудобное.

— Могу. Я отвечаю за архив.

— А за дом?

— За дом теперь отвечаешь ты.

На улице уже зажигались фонари. Тамара предложила переночевать у неё, но Ася отказалась. После найденных документов уезжать из бабушкиного дома означало оставить единственное место, где могли появиться ответы.

Кроме того, она не хотела, чтобы Тамара получила возможность войти туда без свидетелей.

Перед расставанием женщина сунула ей в руки небольшую связку ключей.

— От шкафов и сундуков. Галина хранила важное в разных местах.

— К северной комнате ключа нет?

— У неё никогда не было замка.

— А ручка?

— Появляется, когда комнате нужен человек.

Ася убрала ключи в карман.

— Если ночью появится Лев, что делать?

Вопрос заставил Тамару отвернуться к музейным окнам.

— Не подходи близко.

— Почему?

— Он может помнить тебя лучше, чем ты сама. Это опасное преимущество.

— Бабушка запретила ему касаться моей головы.

Тамара посмотрела на неё.

— Где ты это прочитала?

— В письме.

— Тогда послушай Галину хотя бы один раз.

— Что произойдёт после прикосновения?

— Возможно, ты увидишь то, что видел он. Возможно, он заберёт часть твоих воспоминаний. Мы не знаем.

— Вы утверждаете, что он погиб, и одновременно предупреждаете, как с ним разговаривать.

— В Чёрноречье эти утверждения не противоречат друг другу.

Дом встретил Асю темнотой. Она включила свет в прихожей, закрыла дверь и сразу проверила лестницу. Решётка оставалась на месте. На зеркале не было отпечатков.

Ася установила телефон на полке напротив лестницы и включила запись. Второй телефон, старый рабочий, она оставила в северной комнате возле окна. Если ночью там кто-то появится, хотя бы одна камера должна его зафиксировать.

Затем она принесла из мастерской рулон плотной бумаги и закрыла все зеркала первого этажа. Овальное зеркало на лестничной площадке осталось открытым: подниматься после темноты она не собиралась.

К десяти часам дом выглядел обычным. Печь прогрела кухню, за окнами падал снег, деревянные стены отзывались на мороз отдельными щелчками. Ася разобрала часть бабушкиных писем и составила список вопросов.

Почему память о Чёрноречье исчезла дважды?

Что произошло между ней и Львом перед пожаром?

Кого она искала в доме в двадцать три года?

Почему девочка выглядела как её младшая версия?

Что хранили корни под северной комнатой?

В одиннадцать погас свет на втором этаже.

Ася посмотрела на экран телефона. Камера в северной комнате продолжала передавать изображение: окно, пустой пол, кусок стены. Ничего необычного.

На лестнице скрипнула ступень.

Она взяла фонарь и железную кочергу, оставленную возле печи. Скрип повторился выше, затем ещё раз. Кто-то спускался со второго этажа, переноса вес с одной ступени на другую.

Решётка была закрыта.

На экране камеры в прихожей появилась помеха. Изображение распалось на серые полосы, а запись северной комнаты остановилась.

Ася вышла из кухни.

На площадке между этажами стоял мужчина.

Сначала она увидела только силуэт. Высокая фигура заслоняла часть окна, одна рука лежала на перилах. Затем лампа под потолком вспыхнула, и лицо стало различимым.

Это был Лев.

Он походил на юношу с летней фотографии, но четырнадцать лет не прошли для него бесследно. Черты стали жёстче, возле глаз появились тонкие линии, волосы потемнели и падали на лоб небрежными прядями. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами и тёмные брюки. На ткани у плеча виднелся обгоревший край.

Он смотрел на Асю так, словно видел её после долгого ожидания и не позволял себе поверить.

— Сойка, — произнёс он.

Слово ударило точнее имени.

Никто не называл её Сойкой. По крайней мере, среди людей, которых Ася помнила. Однако вместе с прозвищем возникло ощущение летнего двора, блеска металлических гвоздей на ладони и мужского смеха над её головой.

Она подняла кочергу.

— Оставайтесь на месте.

Лев посмотрел на железо в её руках и чуть повернул голову.

— В прошлый раз у тебя был топор.

— В прошлый раз я, вероятно, лучше понимала ситуацию.

— Нет. Ты всегда сначала брала что-нибудь тяжёлое.

Он сделал шаг вниз.

— Я сказала, не приближайтесь.

Лев остановился. Между ними оставалось семь ступеней и закрытая решётка.

— Тамара рассказала тебе обо мне?

— Она сказала, что вы погибли.

— Для неё это удобная версия.

— Ваше тело не нашли.

— Моё тело всё это время находилось ближе, чем она хотела искать.

— Где?

— Ты пока не поверишь.

— Я уже разговариваю с человеком, который появился на закрытой лестнице. Предел доверчивости на сегодня исчерпан.

На губах Льва появилась короткая улыбка. Она исчезла прежде, чем изменила выражение его глаз.

— Ты говоришь почти так же.

— Как кто?

— Как ты.

Ответ разозлил Асю сильнее, чем должен был. Мужчина присваивал ей прошлую версию, сравнивал с человеком, которого она не знала, и ожидал, что одной узнаваемой интонации будет достаточно для близости.

— Не называйте меня Сойкой.

— Ты сама выбрала это имя.

— Я его не помню.

— Я помню за двоих.

— Это не даёт вам права пользоваться им.

Лев опустил руку с перил.

— Хорошо. Ася.

Он произнёс имя осторожно, словно пробовал незнакомое слово.

— Вы настоящий?

— Сейчас — да.

— Что значит «сейчас»?

— Дом отпускает меня ненадолго. Раньше я мог дойти только до северной комнаты. Сегодня ты открыла дверь.

— Я открывала её прошлой ночью.

— Для тебя прошла ночь. Здесь время складывается иначе.

— Где именно «здесь»?

— За комнатой.

— За ней наружная стена.

— Ты по-прежнему веришь чертежам больше, чем глазам?

— Чертежи хотя бы не пытаются вызвать у меня чужие воспоминания.

Его лицо изменилось. В нём появилось беспокойство.

— Что уже вернулось?

— Ничего, что я готова обсуждать с незнакомым человеком.

— Я не незнакомый.

— Для меня — незнакомый.

Лев сжал пальцы на перилах, но остался на месте.

— Ты просила меня ждать.

— Я ничего тебе не обещала.

— Ты не помнишь обещания. Это не одно и то же.

Фраза прозвучала без упрёка, и от этого стало тяжелее. Он не спорил с её нынешним восприятием, но и не признавал его окончательным. Для него Ася оставалась человеком, который временно потерял дорогу к собственной жизни.

Она не собиралась позволять ему решить, кем должна стать после возвращения памяти.

— Человек отвечает только за решение, которое способен осознать, — сказала Ася. — Я не помню ни вас, ни обещание. Сейчас его не существует.

— Для тебя.

— Этого достаточно.

Лев посмотрел на закрытую решётку.

— Ты поставила её сама?

— Тамара.

— Она всегда любила запирасть то, чего боялась.

— Вы тоже находитесь за решёткой.

— Поэтому мне понятна её логика.

Ася подошла к лестнице на один шаг. Железные прутья отражались в овальном зеркале на площадке. Лев стоял к стеклу боком.

Его отражения не было.

Вместо мужчины зеркало показывало пустую лестницу и закрытую дверь второго этажа.

Ася переместилась правее, проверяя угол. Отражение не появилось.

— Повернитесь к зеркалу.

Лев поднял взгляд.

— Зачем?

— Хочу понять, с кем разговариваю.

— Зеркало не ответит.

— Повернитесь.

Он подчинился.

Несколько мгновений стекло оставалось пустым. Затем поверхность потемнела, и в ней появился Лев. Отражение стояло на две ступени выше настоящего мужчины.

Лев поднял правую руку.

Человек в зеркале повторил движение с опозданием.

Ася невольно отступила.

Отражение продолжало поднимать руку, когда настоящий Лев уже опустил её.

— Что с вами?

— Не со мной. С зеркалом.

— Тамара говорила, что они запоминают быстрее людей.

— Она сказала не всю фразу.

— А полностью?

— Зеркала запоминают быстрее людей и забывают позже.

Отражение повернуло голову к Асе. Настоящий Лев смотрел прямо перед собой.

Она подняла фонарь, направляя луч на стекло. Изображение дрогнуло и совпало с фигурой на лестнице.

— Спуститесь на одну ступень, — сказала она.

— Ты потребовала не приближаться.

— Тогда оставайтесь.

Её раздражало, что он слушался. Было бы проще воспринимать Льва угрозой, если бы он давил, нарушал дистанцию и пользовался её растерянностью. Вместо этого он удерживал себя за решёткой и отвечал на грубость терпеливее, чем она заслуживала.

— Зачем вы пришли? — спросила Ася.

— Увидеть тебя.

— Увидели.

— И предупредить.

— О Тамаре?

— О доме.

— Все предупреждают меня о доме. Никто не объясняет, чего именно следует опасаться.
— Себя.

Ася усмехнулась.

— Очень удобно. Если что-то произойдёт, виновата буду я.

— Я не говорил о вине. Дом возвращает то, что человек потерял. Но он не различает, что было отнято, а от чего человек отказался сам.

— Вы считаете, что я добровольно забыла пять лет жизни?

— Часть.

— Какую?

Лев провёл большим пальцем по перилам. Под его рукой осталась тонкая полоса копоти.

— Меня.

— Почему?

— Ты решила, что так спасёшь нас обоих.

— От кого?

Он посмотрел вверх, в сторону северной комнаты.

— От той девочки.

Из глубины второго этажа донёсся лёгкий стук.

Лев повернулся к звуку. Впервые его выдержка дала трещину: плечи напряглись, пальцы сильнее сжали перила.

— Кто она? — спросила Ася.

— Дом показывает её тебе?

— Она похожа на меня в детстве.

— Это не ребёнок.

— Тогда что?

— Воспоминание, которое научилось просить.

За дверью северной комнаты провели ногтями по дереву.

Лев спустился на ступень, забыв о требовании держаться дальше. Ася подняла кочергу.

Он сразу остановился.

— Вы боитесь её, — сказала она.

— Я знаю, что она может сделать.

— Что?

— Заговорить твоим голосом. Показать то, чего ты хочешь больше всего. Убедить, что внутри комнаты находится человек, которого можно вернуть.

— Вас?

— В прошлый раз — меня.

Ася вспомнила сообщение в архиве: «Не приезжай снова. Он научился говорить твоим голосом».

— Кто отправил мне письмо семь лет назад?

— Я.

— В нём сказано, что кто-то научился говорить моим голосом.

— Дом говорил тобой, чтобы выманить меня.

— Но сообщение пришло мне.

— Я писал его до того, как понял, кто получит.

— Это бессмысленно.

— Здесь многие вещи сначала происходят, а потом находят время, в котором могли случиться.

— Прекратите отвечать загадками.

— Я четырнадцать лет провёл в месте, где вчера может открыться после завтра. У меня нет простого объяснения.

За северной дверью раздался детский смех.

Лев посмотрел на Асю.

— Не отвечай, если она позовёт.

— Я уже отвечала прошлой ночью.

— Что сказала?

— Спросила имя.

— Она назвала?

— Нет.

— Значит, ещё не может.

Он поднялся на одну ступень, прислушался, затем вновь повернулся к Асе.

— Мне нужно вернуться.

— Подождите.

— Времени мало.

— Вы появились после четырнадцати лет и рассчитываете уйти через несколько минут?

— Я не рассчитывал, что ты увидишь меня сегодня.

— Тогда почему пришли?

— Ты открыла северную комнату, подняла доску и впустила свет к корням.

Ася почувствовала неприятную тяжесть под рёбрами.

— Вы видели нас днём?

— Я слышал. Корни передают не слова, а намерение. Дом понял, что ты ищешь меня.

— Я искала следы пожара.

— Для него разницы нет.

Лев повернулся к площадке.

— Покажите, что находится за комнатой, — потребовала Ася.

— Сегодня не смогу.

— Или не хотите.

— Если приведу тебя туда сейчас, дверь закроется. Ты останешься со мной.

— Именно этого вы ждали четырнадцать лет?

Он медленно обернулся. В его лице не осталось ни улыбки, ни терпеливой мягкости.

— Я ждал, что ты вернёшься и выберешь жизнь, в которой меня нет.

Ответ заставил Асю опустить кочергу на несколько сантиметров.

— Почему?

— Потому что в прошлый раз ты выбрала меня. После этого потеряла семь лет памяти и едва смогла уйти.

— Тамара сказала, что я провела здесь три дня.

— Для неё.

— А для меня?

— Долше.

Он поднялся ещё на ступень.

— Лев.

Имя вырвалось прежде, чем Ася решила его произнести.

Мужчина остановился.

В доме скрипнула половица. Свет на площадке дрогнул, и его отражение в зеркале снова отстало. На этот раз зеркальный Лев продолжил подниматься, хотя настоящий стоял неподвижно.

— Вы не можете уйти, пока не покажете хоть одно доказательство, что говорите правду.

— Фотографии тебе недостаточно?

— Они подтверждают, что мы были знакомы. Не подтверждают остальное.

— Что станет доказательством?

— Что-то, чего не знает Тамара и чего вы не могли узнать из бабушкиных бумаг.

Лев несколько секунд смотрел на неё, затем опустился на колено возле верхней ступени. Его пальцы нащупали край деревянной панели под перилами.

— В доме есть отвёртка?

— В мастерской.

— Не успеем. Дай кочергу.

— Нет.

— Тогда поднимись на три ступени и вставь конец в щель. Я не стану приближаться.

Ася не двигалась.

— Там ничего нет, — продолжил Лев. — Я покажу стену, которую ты сама закрыла.

Северная дверь снова заскребла. По лестнице прошла слабая вибрация, словно корни под полом коснулись балок.

Ася открыла решётку, но оставила её между собой и Львом. Поднялась на три ступени и протянула конец кочерги к указанной панели.

— Левее, — сказал он. — Возле резного листа.

Она нашла узкий зазор и надавила. Панель отошла от стены. За ней обнаружилась тёмная ниша шириной с ладонь.

Лев отступил, освобождая место.

— Посвети внутрь.

Ася поднялась ещё на две ступени. Теперь между ними оставалось меньше метра. Она почувствовала запах дыма от его одежды и древесную пыль, осевшую на рубашке. Лев не пытался коснуться её, но следил за каждым движением с такой сосредоточенностью, что кожа на затылке отзывалась неприятным напряжением.

Ася направила фонарь в нишу.

На внутренней стороне панели были вырезаны слова.

Буквы шли неровной строкой. Некоторые царапины делали в спешке, несколько раз срывая остриё. Конец фразы уходил вниз, потому что автору не хватило места.

«Когда я забуду тебя, не заставляй меня вспоминать».

Ася перечитала надпись.

Она узнала форму букв. «Я» с загнутым внутрь хвостом. «С», опущенную ниже строки. Так она написала своё имя на детском рисунке. Так писала в блокноте левой рукой.

— Это сделала я, — произнесла она.

— В ночь перед отъездом.

— Почему здесь?

— Ты хотела, чтобы я нашёл.

— И нашли?

— Через семь лет.

Ася повернула голову.

Лев стоял рядом, но смотрел не на надпись. Его взгляд был обращён к ней, и в нём не осталось радости от встречи. Только усталость человека, который наконец получил обещанное и понял, что обещание было предупреждением.

— Вы знали, что я просила не возвращать память, — сказала Ася. — И всё равно ждали.

— Я ждал не этого.

— Тогда чего?

Сверху ударила дверь северной комнаты.

Лампа погасла. На площадке остался свет фонаря, направленный в нишу. Лев шагнул назад, его фигура стала прозрачнее возле перил.

— Закрой панель, — сказал он. — И не позволяй Тамаре стереть надпись.

— Она уже видела её?

— Нет.

— Почему вы ей не доверяете?

— Потому что в ночь пожара дверь открыла Тамара.

Северная комната распахнулась.

Из темноты коридора потянулся запах влажной земли. Детские шаги побежали к лестнице.

Лев отступил вверх, и его отражение в зеркале осталось стоять на прежнем месте.

— Не идите туда, — сказала Ася.

Он посмотрел на неё так, словно эта просьба повторяла слова, которые уже однажды прозвучали между ними.

— Теперь ты понимаешь, почему не должна была возвращаться.

Детская ладонь появилась на стене у его плеча. На ней не хватало одного пальца.

Лев исчез.

Ася осталась на лестнице одна, держа фонарь над вырезанной собственной рукой просьбой:

«Когда я забуду тебя, не заставляй меня вспоминать».

Глава 3. Дом берёт плату

Детская ладонь на стене шевельнула оставшимися пальцами.

Ася отступила от открытой панели и упёрлась спиной в лестничные перила. Свет фонаря скользнул по серо-зелёной краске, по глубоким царапинам вокруг тайника и по влажному отпечатку, который ещё секунду назад выглядел обычным пятном. Теперь пальцы вытягивались в сторону вырезанной надписи, оставляя за собой тёмные полосы.

Из северной комнаты донеслись шаги.

Они принадлежали ребёнку, однако половицы отзывались на них тяжёлым гулом. Кто-то шёл по коридору к лестнице, задерживаясь возле каждой двери. Возле железной кровати скрипнул пол. В кабинете зашелестели страницы. Затем шаги остановились за углом, откуда Ася не могла увидеть приближающуюся фигуру.

Она захлопнула деревянную панель и ударила по ней ладонью, возвращая скрытую защёлку в паз. Надпись исчезла внутри стены. Отпечаток остался снаружи и теперь тянулся вслед за её рукой, словно влажная краска.

— Лев? — позвала Ася.

Ответа не последовало.

В коридоре показалась девочка.

Светлое платье висело на ней свободно, подол касался голых коленей. Тёмные волосы закрывали часть лица, но отметина над правым виском была видна. Девочка выглядела точной копией Аси с детских фотографий, если не считать руки, которой она держалась за стену. На ней отсутствовал указательный палец.

Ася спустилась на ступень, не опуская фонарь.

— Что тебе нужно?

Девочка открыла рот, однако заговорила голосом взрослой Аси:

— Ты уже выбрала меня.

Звук пришёл сразу с двух сторон: из коридора и из овального зеркала на площадке. В отражении девочки не было. Там стояла сама Ася в длинной тёмной юбке и белой рубашке с закатанными рукавами — такой она была на летней фотографии рядом со Львом.

Отражение подняло руку и положило ладонь на стекло.

Настоящая Ася держала фонарь обеими руками.

— Я ничего не выбирала.

— Выбирала, — ответило зеркало. — Потом испугалась.

Девочка сделала шаг к лестнице.

В ту же минуту у нижней решётки появился Лев. Он возник без звука, словно всё это время стоял в тени первого этажа и только теперь позволил свету его обнаружить. Обгоревший край рубашки на плече стал шире, чем при их разговоре, а кожа на левой руке просвечивала: сквозь пальцы проступали деревянные прутья перегородки.

— Не отвечай ей, — сказал он.

Голос звучал с хрипотой. Каждое слово требовало усилия.

Девочка повернула голову. Её взрослый голос сменился детским:

— Ты обещал ждать.

Лев взялся за решётку, но рука прошла сквозь дерево. Он сжал пальцы, попробовал снова и не смог удержаться за прут.

— Ася, спускайся.

— Она стоит между мной и лестницей.

— Смотри на зеркало.

Совет казался нелепым после всех предупреждений, однако Ася перевела луч на овальную раму. В стекле коридор оставался пустым. Девочка существовала только перед ней, а отражение взрослой Аси уже исчезло.

— Иди туда, где её нет, — продолжил Лев. — Дом ещё не решил, какую из картин сделать настоящей.

Ася двинулась боком, наблюдая за зеркалом. В отражении лестница была свободна. В реальности девочка продолжала стоять перед верхней ступенью, закрывая проход.

Первый шаг дался без сопротивления. На втором Ася почувствовала, как ткань чужого платья коснулась её руки. Она не посмотрела в сторону. Держась взглядом за пустое отражение, прошла сквозь место, которое занимала девочка.

Воздух возле лица оказался влажным и пахнул землёй. Что-то холодное провело по волосам у виска, пытаясь удержать.

Ася спустилась ещё на две ступени.

Сверху раздался крик. Детский голос перешёл в скрежет дерева, по которому ведут металлическим краем. Свет в коридоре погас, а северная дверь захлопнулась с такой силой, что задребезжали стёкла.

Лев ждал у решётки. Его губы двигались, но звук пропал.

Ася выдернула железный штырь, откинула перегородку и спустилась к нему. Лев попытался что-то сказать, указал на входную дверь и покачал головой, когда она потянулась к выключателю.

— Вы потеряли голос?

Он кивнул.

На настенных часах было семнадцать минут первого.

Ася вспомнила, что при первой встрече Лев говорил о времени, которое за северной комнатой складывалось иначе. Теперь изменение происходило на её глазах. Его фигура оставалась различимой, но края становились прозрачными. От рубашки отделялись серые хлопья, похожие на золу, и исчезали, не долетев до пола.

Он жестом попросил открыть входную дверь.

— Снаружи мороз.

Лев развёл руками, показывая, что холод его не беспокоит.

Ася надела куртку поверх домашней одежды, сунула ноги в сапоги и отодвинула засов. Дверь открылась с усилием. Ветер принёс с реки снежную пыль и раскачал колокольчик на рябине.

Лев вышел на крыльцо. На снегу под его ногами остались неглубокие следы, в которых сразу проступила тёмная вода.

Он направился к калитке.

Ася последовала за ним, придерживая ворот куртки. После домашнего тепла мороз обжигал лицо, но возвращаться она не собиралась. Ей нужно было понять, существует ли Лев только внутри дома или способен уйти от него.

Мужчина дошёл до середины двора. При каждом шаге его тело становилось плотнее, словно открытое пространство возвращало ему вес. Он расправил плечи, провёл ладонью по лицу и попробовал заговорить.

Вместо слов из горла вышел сухой шёпот.

Лев указал на калитку и протянул Асе руку.

— Вы хотите, чтобы я открыла?

Он кивнул.

Ася сняла задвижку. Калитка отворилась наружу, задев нижним краем снежный вал. За оградой начиналась дорога, по которой днём приехала машина. В свете фонаря снег выглядел серым, а лес за обочиной сливался с небом.

Лев остановился перед порогом.

Он поставил ногу за линию забора.

Ступня исчезла.

Лев сразу отступил. Нога восстановилась, но в его лице отразилась боль, настоящая и неожиданная. Он прислонился плечом к столбу, переждал приступ и снова показал на дорогу.

— За воротами вы исчезаете, — сказала Ася.

Лев провёл пальцем по горлу и поднял руку к циферблату часов, которого здесь не было. Затем сложил ладони, изображая сон, и указал на северное окно.

— После полуночи теряете голос, потом возвращаетесь в комнату?

Он подтвердил.

— Почему сегодня смогли выйти во двор?

Лев показал на неё, затем на дом. Соединил ладони и разорвал воображаемую связь.

— Я открыла дверь, и вы получили свободу внутри участка?

Он снова кивнул, хотя по выражению лица было видно: её формулировка упрощала происходящее.

Колокольчик на рябине звякнул. Лев посмотрел на ветви и коснулся пальцами запястья Аси.

Прикосновение длилось мгновение. Под кожей возникло тепло, которое сразу ушло вверх по руке. Перед глазами вспыхнула летняя дорожка, залитая солнцем. Кто-то бежал впереди и смеялся, оборачиваясь к ней. Ася различила светлые волосы, загорелую шею и рубашку, прилипшую к спине.

Она вырвала руку.

Видение исчезло.

Лев отступил, подняв ладони, и беззвучно произнёс: «Прости».

— Бабушка запретила вам касаться моей головы.

Он нахмурился и указал на её руку, показывая, что этого не делал.

— После прикосновения я увидела воспоминание.

Лев посмотрел на свои пальцы так, словно не ожидал результата. Затем указал на дом, на Асю и на себя. Последним жестом он провёл ладонью от её виска к груди.

— Это было моё или ваше?

Он коснулся её плеча, потом своего сердца.

Общее.

Так она поняла ответ и сразу пожалела, что спросила.

— Больше без разрешения меня не касайтесь.

Лев согласился. Его губы шевельнулись, но голос не вернулся.

Они закрыли калитку и пошли к дому. У крыльца Лев остановился, оглянулся на рябину и показал Асе четыре пальца. Затем провёл ими по воздуху, словно отмечал деления.

— У вас остаётся четыре часа?

Он покачал головой и указал на ветви.

— Четыре чего-то находится под деревом?

Отрицание.

Лев выдохнул, опустил руку и направился внутрь. Объяснять жестами сложные правила оказалось бесполезно.

В прихожей детского отпечатка на стене уже не было. Северная дверь оставалась закрытой, шаги не повторялись. Ася заперла решётку и включила лампу в кухне.

Лев сел за стол. Стул скрипнул под его весом, подтвердив, что мужчина способен воздействовать на обычные предметы. Ася положила перед ним блокнот и ручку.

— Писать можете?

Он взял ручку. Первые буквы получились бледными: стержень едва касался бумаги. Через несколько попыток нажим стал сильнее.

«После полуночи дом забирает речь. Затем руки перестают держать вещи. Перед рассветом я возвращаюсь за северную дверь».

— Каждую ночь?

«Когда дом выпускает. Раньше это случалось несколько раз за год. После твоего приезда — две ночи подряд».

— Днём вы можете появиться?

«Иногда в комнатах без прямого света. Дольше всего — в мастерской и под лестницей».

— Почему?

«Там дерево помнит меня».

Ася придвинула второй стул, но не села. Ходьба помогала удерживать мысли в порядке. Она прошла от печи к окну, проверила занавеску, вернулась к столу.

— Вы сказали, что Тамара открыла дверь во время пожара. Что именно вы помните?

Лев долго не писал. За окном ветви рябины касались стены, и каждый удар отзывался в кухонной посуде.

Наконец он вывел:

«Дверь стояла во дворе. Тамара держала железное кольцо. Я услышал твой голос изнутри. Она сказала, что ты вошла первой».

— Тамара утверждает, что пыталась вас остановить.

«Пыталась после того, как открыла».

— Зачем она это сделала?

«Не знаю».

— Вы вошли и оказались в северной комнате?

«Сначала в коридоре. Он был похож на этот дом, но двери стояли в другом порядке. Я увидел тебя у дальнего окна. Ты вошла в закрытую комнату. Дальше ничего не помню».

— Совсем ничего?

«Огонь. Стекло. Твой голос. Порядка нет».

— Вы не помните последние минуты перед пожаром?

Лев покачал головой.

— Тогда откуда знаете, что я просила вас ждать?

Он написал:

«Это произошло раньше. За день до пожара».

— И что именно я обещала?

«Вернуться к рябине, когда поймёшь, что она забирает».

— Что она забирает?

Лев посмотрел на неё и написал одно слово:

«Людей».

Ася пододвинула блокнот к себе.

— Мне нужны ясные ответы. Люди исчезают физически или теряют память?

«Сначала память. Потом человека перестают помнить другие. В конце он остаётся только в доме».

— Так произошло с вами?

«Не знаю. Меня ещё помнит Тамара. В архиве осталось имя. Значит, процесс не завершён».

— А девочка?

Ручка застыла над бумагой.

«Часть тебя, которую дом удержал».

— Почему у неё рука Тамары?

«У неё нет собственной формы. Она собирается из воспоминаний тех, кто рядом».

— Она сказала, что я её выбрала.

«В двадцать три года ты пыталась вернуть утраченное детство. Возможно, согласилась забрать её с собой».

— Почему я ушла одна?

«Ты пришла ко мне за северную дверь. Потом появилась Галина. Я потерял время. Когда снова смог выйти, тебя не было».

В комнате стало жарче, хотя огонь в печи опустился. Ася расстегнула куртку и села напротив.

— Сколько я находилась с вами?

«Для меня — несколько месяцев».

— Тамара видела меня только три дня.

«Поэтому я предупреждал: время складывается неправильно».

Ася вспомнила пустой двадцать третий год. Если часть его прошла за северной дверью, отсутствие бытовых подробностей получало объяснение. Однако целый год не мог состоять только из нескольких месяцев рядом со Львом. Дом забрал больше.

— Почему я ушла?

«Ты узнала цену».

— Какую?

Лев посмотрел в сторону коридора. Рука с ручкой начала просвечивать, буквы становились неровными.

«Не помню».

— Удобно.

Он поднял глаза. Обида появилась в них быстро и так же быстро уступила усталости.

«Я не прошу верить».

— Вы просите помочь вам выбраться.

«Я ещё не просил».

— Но хотите.

Лев положил ручку. Она прошла сквозь пальцы и стукнула о стол.

Времени оставалось мало.

Ася закрыла блокнот.

— Тогда договоримся сейчас. Вы помогаете мне восстановить события и понять, что делает дом. Я ищу способ освободить вас, если вы действительно заперты и не представляете угрозы.

Лев поднял брови.

— Условия будут с обеих сторон, — продолжила она. — Вы не скрываете найденные сведения, не пытаетесь вернуть мне чувства прикосновениями и не решаете, что мне лучше знать. Не называете меня тем прозвищем без разрешения. Не требуете отвечать за обещания, которых я не помню.

Он кивнул, затем указал на неё и на блокнот.

— Я тоже ничего не скрываю, — поняла Ася. — Все письма, фотографии и записи показываю вам. В северную комнату одна не вхожу.

Лев поднял два пальца и добавил жест, которым закрывают рот.

— Если дом заговорит вашим или моим голосом, не отвечаю?

Подтверждение.

— Ещё что-то?

Он написал с трудом:

«Если начнёшь забывать сегодняшнее, уходи за ворота».

— Почему?

«За оградой он слабее».

— А вы туда не можете.

Лев больше не удерживал ручку. Его фигура истончалась на глазах, черты лица теряли ясность. Он поднялся из-за стола и пошёл к лестнице.

Ася последовала за ним до решётки.

— Наш договор действует, даже если утром вы его не вспомните.

Лев остановился. Голоса у него не было, но губы сложились в понятные слова:

«Я помню всё до рассвета».

Он прошёл сквозь закрытую перегородку и поднялся на площадку. В овальном зеркале его отражение появилось раньше, чем сам мужчина достиг верхней ступени. Зеркальный Лев повернулся к Асе и приложил ладонь к стеклу.

Настоящий поднял руку только через несколько секунд.

Затем оба исчезли.

Утром Тамара пришла раньше обычного и обнаружила Асю спящей за кухонным столом. Рядом лежал раскрытый блокнот с записями Льва. Некоторые строки за ночь побледнели, но большая часть сохранилась.

Ася проснулась от стука чашки о столешницу. Тамара поставила перед ней горячий чай и села напротив, не снимая пальто.

— Он приходил.

В голосе женщины не было вопроса.

— Вы знали, что это возможно.

— Знала. Не ожидала, что так скоро.

Ася выпрямилась. Шея затекла после сна в неудобной позе, в висках ощущалась тяжесть.

— Лев утверждает, что дверь во дворе открыли вы.

Тамара не потянулась к чашке.

— Он видел мою руку на кольце.

— Это правда?

— Я держала кольцо. Дверь появилась передо мной закрытой. Изнутри звала ты. Галина была уверена, что настоящая Ася находится наверху, но я слышала твой плач. Открыла и сразу поняла, что ошиблась.

— Вы сказали Льву, что я вошла первой.

— Я верила в это.

— Он вошёл из-за ваших слов.

— Да.

Признание прозвучало без попытки оправдаться. Тамара провела повреждённым пальцем по краю стола.

— Вчера вы рассказывали иначе.

— Вчера я не знала, что он способен говорить с тобой. Мне казалось, дом показывает его образ.

— Вы всё ещё так думаете?

— Не знаю. Дом может хранить голос, походку и привычки. Он способен собрать человека настолько убедительно, что отличить будет трудно.

— Лев признал, что не помнит последние минуты пожара. Образ, придуманный домом, мог бы дать более удобную историю.

— Или дом оставил ему ровно те пробелы, которые нужны.

— Поэтому мы проверим его слова.

Тамара посмотрела на раскрытый блокнот.

— Что ты собираешься делать?

— Искать место, где дом хранит имена.

— Кто сказал, что такое место существует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.